

Научная статья

УДК 81

DOI 10.18101/2306-630X-2020-1-22-37

ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТЫ — ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЕВРАЗИЙСКОЙ ТЕОРИИ© **Пачаи Имре**

доктор филологических наук, профессор (хабилитированный доктор)

кафедра русского языка, Ньиредьхазская высшая школа

Венгрия, Ньиредьхаза

4400. Nyíregyháza, Sóstói út 31/b

drpacsai@gmail.com

Аннотация. Центральной темой нашего исследования является изучение культурных и языковых контактов Восточной Евразии, так как мы обнаружили интересные параллельные элементы в языках, относящихся к разным языковым семьям. Важным регионом явился Волжский бассейн, где наблюдаются многосторонние языковые и культурные контакты народов, живущих в данном ареале. Наше исследование непосредственно связано с вопросами, рассмотренными в работах «евразийского» идеологического направления.

Н. С. Трубецкой определил культурный регион как «русскую культурную зону», которая связана с другими культурными зонами Азии. Результаты нашего сопоставительного исследования, общие элементы фразеологии, синтаксиса и словообразования — «парные слова», доказывают выводы Н. С. Трубецкого о культурных контактах евразийской зоны. Его выводы о единстве евразийской зоны подтверждают возникновение раскрытых нами параллельных языковых элементов.

Ключевые слова: Восточная Евразия; языковые и культурные контакты; евразийская теория; сопоставительное исследование; «русская культурная зона»; параллельные языковые единицы; «парные слова».

Для цитирования

Пачаи И. Языковые факты — доказательства евразийской теории // Евразийство и мир. 2020. № 1. С. 22–37.

Темой нашего исследования является изучение специфических общих элементов в языках Восточной Евразии, в том числе в венгерском, укореняющемся в восточной почве. При компаративном исследовании обнаружили параллельные языковые факты, которые трудно было объяснить известными и актуальными теориями. Работы Н. С. Трубецкого «Верхи и низы русской культуры», «Туранские элементы в русской культуре», «Наследие Чингисхана» помогли осветить причину раскрытых нами сходных мотивов в языках, принадлежащих к разным языковым семьям. Эта была теория евразийская, которая неразрывно связана с деятельностью Н. С. Трубецкого.

В статье Е. А. Еремеева «Идеология евразийства: основные категории» [1] рассматриваются важнейшие проблемы, связанные с идеями евразийства. Это идейное течение начало формироваться в Москве с 1916 г. и развилось в Западной Европе. Еремеев указал на то, что евразийство является комплексной теорией, которая включает в себя наследие различных учений. Основателями этого направления

были великие русские мыслители Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Н. А. Алексеев, Г. Вернадский, В. Ильин и др. Первой значительной работой был сборник статей «Исход к Востоку», вышедший в свет в Софии в 1921 г., в котором были опубликованы статьи представителей евразийства.

При определении сущности евразийства Е. А. Еремеев подчеркивает то, что для евразийцев данное понятие обозначает не европейско-азиатское единство, а объединение территории от Европы до Тихого океана монголами и русскими. Евразия — это не только огромный континент, но и суперэтнос, во главе с Россией. Этой объединенной земле противостоят на западе католическая Европа, на востоке Китай, на юге мусульманский мир [1, с. 2–4].

Н. С. Трубецкой установил сущность «русской культурной зоны», в которой отражается сущность евразийской теории: «В общем эта культура есть сама особая “зона”, в которую, кроме русских, входят еще некоторые **угро-финские** инородцы вместе с **тюрками** Волжского бассейна. С незаметной постепенностью эта культура на востоке и юго-востоке соприкасается с культурой степной (тюрко-монгольской) и через нее связывается с **другими культурами Азии**. На западе имеется тоже постепенный переход (через белорусов и малороссов) к культуре западных славян, соприкасающейся с романо-германской, и к культуре балканской. Но эта связь со славянскими культурами вовсе уже не так сильна и уравнивается сильными связями с **востоком**. По целому ряду вопросов **русская народная культура** примыкает именно к **востоку**, так что граница востока и запада иной раз проходит именно между русскими и славянами, а иногда южные славяне сходятся с русскими не потому, что и те, и другие — славяне, а потому, что и те, и другие испытали сильное **тюркское** влияние» [2, с. 94].

Статьи Н. С. Трубецкого о евразийской теории долгое время не были доступны исследователям социалистического лагеря. Эти работы были опубликованы только в 1991 г. в «Вестнике Московского университета», что объясняется политическими событиями в конце XX в. Игнорирование произведений Н. С. Трубецкого объясняет причину белого пятна как в русской, так и в венгерской лингвистике, обнаруженного при изучении вопросов восточно-евразийского региона.

В настоящей статье мы поставили целью рассмотреть важнейшие языковые факты, доказывающие теорию Н. С. Трубецкого о существовании евразийских культурных контактов. Обнаруженные нами языковые факты дополняют теорию Н. С. Трубецкого, так как о языковых фактах не говорится в его работах, в которых центральной проблемой является представление сходных мотивов духовной и материальной культуры изученного региона. В его работах рассматриваются и исторические факты, освещающие возникновение и формирование упомянутой культуры. Трубецкой подчеркивает значение культурных контактов между русским народом и тюркскими и финно-угорскими народами, обитающими в данном регионе.

Для нас были чрезвычайно важны выводы Н. С. Трубецкого о том, что «русская культурная зона» имела связи с другими культурными зонами Азии посредством степных кочевников. Это поясняет сходство русских и венгерских структур с дальневосточными и индийскими языковыми элементами, раскрытыми в нашем компаративном исследовании. Расширение изученной зоны, трактуемое в нашей

книге «Ареальные аспекты парных слов в русском языке» [56], по мнению исследователей О. Б. Ткаченко [61], В. М. Мокиенко [55], Д. Вайса [50], является новым достижением лингвистики, так как содействует исследованию.

Идеология «евроазиатизма» возобновляется в России в конце XX в., и русские исследователи обращаются к трудам Н. С. Трубецкого, главного теоретика евроазиатизма. В их лингвистических работах уделяется большое внимание проблемам характера русской национальной ментальности. Конференция Московского государственного университета «Диалог культур. Россия и Запад» свидетельствует о возобновлении идеологии евразийского направления.

Актуальность характера темы нашего исследования подтверждается как работами Н. С. Трубецкого, так и произведениями русских исследователей, вышедшими в конце XX в., в которых рассматривается **восточный характер русского языка и русской национальной ментальности**.

Несмотря на то, что в этих работах поставлены вопросы, касающиеся сути национального характера русской культуры и русского языка, ответы на них не всегда там можно найти. Значение данных трудов заключается в том, что в них четко сформулировано положение о своеобразии русской ментальности, связанной в большей мере с Востоком, чем с Западом, и в том, что они проложили путь к изучению чрезвычайно сложного комплекса проблем.

О более широком осмыслении восточного характера русской ментальности говорится во многих работах. В книге В. В. Колесова «Жизнь происходит от слова» [3, с. 148] язык рассматривается как некая духовная сущность в триипостасном проявлении системы, функции и стиля. Восточный характер русской культуры и русской ментальности противопоставлен культуре и языкам Запада. По мнению В. В. Колесова, восточный характер русской культуры и русского языка обусловлен умственным наполнением и духовными корнями **православной культуры**. Суждения В. В. Колесова вполне обоснованы в аспекте русского литературного языка, который развился на византийской почве в неразрывной связи с православной культурой, но он не обращает внимания на выводы Н. С. Трубецкого о расхождении между культурой «верхов» и «низов» русского общества.

В. В. Колесов определил сущность понятия национальной ментальности: «Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка» [3, с. 148].

Мысль В. В. Колесова о взаимосвязи между характером культуры данного этноса и специфическими категориями его языка подтверждает целесообразность концепции нашего исследования. При определении **восточного** характера русской национальной ментальности исключительным источником он называет православие, но игнорирует другие компоненты ментальности. Несмотря на то, что В. В. Колесов указал на диалектическую связь металитета с категориями родного языка, он не учитывает достижения Н. С. Трубецкого, Е. Н. Шиповой, Н. А. Баскакова, О. Б. Ткаченко, раскрывших следы контактов с восточными народами в русском языке.

При чтении произведений русских народных писателей П. И. Мельникова, П. Бажова, М. Шолохова и представителей русской деревенской прозы В. Шукшина,

В. Белова, С. Залыгина, В. Распутина мы сталкивались со специфическими структурами русской народной речи, которые не рассматриваются ни в работе «Русская разговорная речь» Е. А. Земской, ни в работе «Русская грамматика» Н. Ю. Шведовой.

Выводы В. В. Колесова необходимо рассматривать в аспекте общенародного русского языка, без которого нельзя представить существование и развитие русского литературного языка. В статьях Ф. П. Филина [65] освещаются проблемы, связанные с историей и развитием русского литературного языка и его взаимоотношениями с народным языком. Его суждения о различиях литературного и национального языка чрезвычайно важны.

В результате нашего компаративного исследования о многих специфических структурах русской народной речи, звучащей в произведениях упомянутых выше народных писателей, мы смогли установить их восточный, ареальный характер, что непосредственно связано с евразийской теорией.

Восточные элементы русского народного языка и народной культуры

При изучении восточных характерных черт русской народной культуры, установленных Н. С. Трубецким, мы учитывали выводы В. фон Гумбольдта о диалектической связи между культурой и языком. Без изучения взаимосвязи этих существенных понятий нельзя получить объективную картину об изученных вопросах.

Для этого исследования сборник русских **пословиц и поговорок** В. Даля служил важным источником, так как русские народные изречения и отражают характер русской народной ментальности, и в то же время дают информацию о специфических признаках русской народной речи. Это имеет особое значение, так как Ф. П. Филин считает основной проблемой изучения русской народной речи скудость письменных памятников данного стиля.

В предисловии «Напутное» к сборнику русских пословиц и поговорок В. Даль сделал важные замечания о статусе народной культуры и народного языка, подчеркивая социокультурный характер пословиц: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, об этом никто спорить не станет; в образованном и просвещенном обществе **пословицы нет**, попадают **слабые**, искалеченные отголоски их, переложенные на наши нравы или испошленные **нерусским** языком, да плохие переводы с чужих языков. **Готовых** пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и **не его язык**» [4, с. 7].

В. И. Даль указал на то, что источником пословиц является народная культура и народный язык. Он вскрыл расхождения между культурными потребностями и нормами широких масс и образованного, «просвещенного общества», в то же время выявляя расхождения между кодифицированным литературным языком и русской народной речью. Размышления В. И. Даля о специфических социокультурных и социолингвистических признаках русских пословиц отражаются и в тезисах Н. С. Трубецкого, выделяющего расхождение между культурой «верхов» и «низов» русского общества.

Следующие русские пословицы из сборника В. Даля доказывают выводы Н. С. Трубецкого о восточных корнях русской культуры:

В пословице “*Меньшой сын на корню сидит*” (в крестьянстве — наследует дом) [5, с. 1/130] о крестьянских традициях, изображен важный элемент обычного

права русского крестьянства, резко отличающийся от кодифицированных законов. В работе Н. С. Трубецкого «Верхи и низы русской культуры» четко выявлены расхождения между нормами и традициями «верхов» и «низов» русского общества.

Пословица “*Меньшому сыну отцовский двор, старшему — новоселье*” [5, с. II/73], к которой также добавляется толкование В. И. Даля: “*по смерти отца; это в крестьянстве обычай*” [5, с. II/73], тоже доказывает существование **минората** в русских крестьянских традициях. Н. С. Трубецкой подчеркивает то, что русские низы не ассимилировали западные культурные традиции: «Некоторые основные движущие факторы европейской духовной культуры (например, европейское **правосознание** и «государственное мышление») русскими верхами усваивались плохо, народом **совсем не усваивались**» [2, с. 93].

Представленные нами пословицы говорят о том, что народное обычное право противоречит основному европейскому праву о **первородстве** и соответствует обычному праву — о минорате алтайских народов.

О привилегии младшего сына у кочевых народов свидетельствует башкирская пословица “*Агай оло — мин зур*” ‘брат старше, но я важнее’.

Содержанию башкирских и русских пословиц о минорате противоречит содержание персидских пословиц, говорящих об униженном положении младшего сына в персидской семье: “*Будь собакой, но не будь младшим в доме*” [7, с. 544]; “*Лучше быть собакой, чем младшим братом*” [7, с. 575].

Традиции унаследования русскими крестьянами отцовского добра объясняются особенностями русской культурной зоны, куда на протяжении веков проникали традиции степных народов-кочевников. О коренном характере минората в обычном праве тюркских и монгольских народов говорится в работах С. А. Каскабасова (1974), Н. В. Бикбулатова (1972), Е. В. Баранникова (1978).

Кроме пословиц, изображающих обычное право русского крестьянства, пословицы, имеющие эквиваленты в тюркских языках, свидетельствуют о культурных и языковых контактах между народами, живущими в русской культурной зоне. Ментальность **степных народов** ярче всего отражается в русской пословице “*Лошадь человеку крылья*” [5, II/ 355], в которой выражается уважение к коню. Эквиваленты: тат.: “*аты барын канаты бар*” [8, с. 57] ‘у кого есть лошадь, у того есть крылья’; туркм.: “*аты барын ганаты бар*” [9, с. 55] ‘то же’; узб.: “*аты барын, ганаты бар*” [10, с. 55]; ‘то же’; чув.: “*Ар сукаче — ут*” [11, с. 424] ‘крылья мужчины конь’; кирг.: “*ат — эрдын канаты*” [12, с. 58] ‘конь — крылья молодца’.

Контакты с кочевыми народами, упомянутые Н. С. Трубецким, подтверждаются словами, обозначающими масть лошадей в русском языке: **бурый, буланый, игрений, саврас, чалый, чубарий**, восходящими к тюркским языкам.

Кочевые традиции отражаются и в следующих пословицах-кальках:

Русский: “*Не купи двора, купи соседа*” [5, с. II / 155]; “*Не купи деревни, купи соседа*” [5, с. II / 155]; тур.: “*er alma, komşu al*” [13, с. 281] ‘не выбирай дом, выбирай соседа’; узб.: “*Ховли олма, кушин ол*” [10, с. 659] ‘не покупай дом, купи соседа’; кирг.: “*конуш алгыча, кон, шу ал*” [12, с. 402] ‘не выбирай стоянку, выбирай соседа’; уйг.: “*Uj almañ, hamsaj alañ*” [14, с. 10] ‘не покупай дом, купи соседа’.

Пословицы “**Покорной головы меч не сечет**” [15, с. 455]; татар: “*Мелгэн башлы кылыч кисмес*” [8, с. 162] ‘покорной головы **меч не сечет**’; чув.: “*Тайма пуса хес витмен*” [11, с. 162] ‘повинную голову **меч не сечет**’; кирг.: “*ийлиген башты кылыч кеспейт*” [12, с. 296] ‘покорной головы **меч не сечет**’; тур.: “*atana kiliç olmaz*” [13, с. 22] ‘повинную (голову) **меч не сечет**’; “*eğilen baş kesilmez*” [13, с. 261] ‘склоненную голову (меч) **не сечет**’ отражают общие традиции региона.

Пословицы “**Цела ль голова, а шапку бог даст**” [5, с. I / 419]: тат.: “*баш сау булса бурек табылып*” [8, с. 616]; ‘была бы голова цела, а шапка найдется’; узб.: “*бош омон булса бурк топилур*” [10, с. 97] ‘то же’; удм. “*йырыд не вань, изыи сюрроз*” [16, с. 176] ‘была бы голова, шапка найдется’ говорят о мудрости народов.

Параллельные пословицы “**Не плюй в колодезь: случится напиться**” [5, с. II / 3]; “**Не плюй в колодезь, случится (пригодится, сгодится) напиться**” [5, с. II / 145]; тат.: “*Токермэ коега, суын эчэрсен*” [8, с. 574] ‘Не плюй в колодезь, случится (пригодится) из его воды напиться’; башк.: “*козокка төкөрмэ, һууын эсерһен*” [6, с. 561] ‘не плюй в колодец, пригодится воды напиться’; кирг.: “*кайрылып ичер ашын, а, какырба да тукурбо кереги тиер башына*” [12, с. 321] ‘не плюй и не харкай в ту пищу, которую тебе, вернувшись, придется есть, понадобится она тебе’; морд.: “*иля сельгене лисьмас — эстетькак симемс сави*” [17, с. 561] ‘не плюй в колодец — пригодится (самому) воды напиться’; венг.: “*Ne köpj a kútba, mert innod kell belőle*” [18, с. 398] ‘Не плюй в колодец — придется из него напиться’ рустичными картинками выражают предупреждение.

Рус.: “**Обожжешься на молоке, станешь дуть и на воду**” [5, с. I / 381]; ‘Будет дуть и на **кислое молоко**’ [5, с. I / 347]; тат.: “*Авызы пеишкэн ерен капкан*” [8, с. 20]; ‘кто обжег рот, тот берет что-л., предварительно подув’; туркм.: “*суйтде агзы бишен сувы уфлен*” [9, с. 106] ‘обжегшись на молоке, будешь дуть и на **воду**’; тур.: “*ağizi yanan ayranı üfler de içer*” [13, с. 800] ‘обжегший рот молоком ест **простоквашу**, дуя на нее’; “*çorbada ağzi yanan ayranı üfler (de) içer*” [13, с. 800] ‘обжегшийся на супе дует на айран’; чув.: “*тутине несерсен, туръха версе сынкă*” [11, с. 389] ‘обжегший губы и на **простоквашу** дует’; узб.: “*Оғзи куйган катик, ни нуфлаб пчади*” [10, с. 222]; ‘кто обжег рот, будет дуть на **кислое молоко**’; венг.: “*Kinek a meleg tej megégette a száját, a tarhót (alludtejet) is fújja*” [18, с. 666]; ‘кто обжег рот на топленом молоке, будет дуть и на **кислое молоко**’ связаны с бытом кочевников.

Рустичные картины сходных по содержанию народных изречений свидетельствуют о том, что они распространялись устным путем, а не в письменной форме. Эти пословицы далеки от античных и православных культурных традиций. Резкое расхождение между письменностью упомянутых народов также доказывают устные контакты.

В следующих пословицах из сборника В. Даля используются **тюркские** (в большинстве татарские) слова, которые свидетельствует о билингвизме, непосредственно связанном с интенсивными и длительными культурными и языковыми контактами в русской культурной зоне.

В пословице “**Ни сана ни мана**” (т. е. ничего, вероятно, с татарского: *ни тебе ни мне*) Казанск. [5, с. I / 351] обнаруживаются татарские слова **сана** ‘тебе’ и **мана** ‘мне’, передающие основную смысл народного изречения.

Тюркские слова **яман** 'плохой, плохо' и **якшии** 'хорошо', от которого образовано русский глагол **якшаться** 'поддакивать', служат для передачи смысловой оппозиции: "*Ни яман, ни якшии, ни средней руки*" [5, с. I/369].

Пословица "*Кисель бар; кашик йок: кашик бар, кисель йок* (татарск. *есть и нет*)" [5, с. I/44] содержит татарские слова **бар** 'есть', **кашик** 'ложка', **йок** 'нет'.

Татарская пословица: "*Юктан бар булмас, бар булса югалмас*" [8, с. 693] 'из ничего чего-то не будет' построена тоже на антагонизме, выраженном словами **юк** 'нет' и **бар** 'есть'. Татарские обороты "*юк-барны сойлед*" [8, с. 693] 'говорить небылицы, молоть вздор'; "*юк-барга ышау*" [8, с. 693] 'верить пустякам'; "*юк-барга ачулану*" (ТаРС 693) 'рассердиться из-за пустяков' доказывают тюркское влияние.

Фразеологическая единица "*на свой салтык*" восходит к пословице "*У всякого шлык на свой салтык*" [19, с. 85], в которой использован тюркизм **салтык**, *salt* — «обычай». Слово **шлык** происходит от слова **баишлык** 'женский головной убор'.

Поговорки "*Баш на баш*" [5, с. II / 38]; "*Взять барыша баш на баш*" [5, с. II/33], в которых используется фразеологический оборот "*баш на баш*", соответствующий татарскому обороту. В. Даль представил эквиваленты "*Менять на ухо*", "*Рыло на рыло*" [5, с. II/38]. Киргизский оборот "*баиша-баш*" [12, с. 119] 'баш на баш, голову на голову', использованный в структуре "*баиша-баш саттым*" [12, с. 119] 'я обменял без доплаты', тоже свидетельствует о тюркском происхождении русской ФЕ.

Пословица "*Талан на майдан*" [5, с. II/209] раньше принадлежала речевому этикету, использовалась при встрече в качестве формулы приветствия. Позже она вошла в язык **картежников**, служа для выражения благожелательности: "*Успеха на поле сражения!*". По происхождению она имеет соотношение с тюркскими языками.

Военные традиции и ментальность степных кочевников отражает пословица "*Кто кричит аман, а кто атлан*" (т. е. кто сдается, пощады просит, а кто на коня садится) [5, с. I/358], в которой используются тюркские слова **аман**, **атлан**.

В представленных народных изречениях наблюдаются следы языковых и культурных контактов, формирующих восточный характер русской национальной ментальности. Выводы В. В. Колесова о национальной ментальности во многом похожи на выводы В. Н. Телии, представленные в работе «Русская фразеология»: «**Фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание**» [3, с. 9.]. О связи языка и культуры говорит и В. Н. Телия, использующий термин «**лингвокультурная общность**».

При изучении лексики русских пословиц, вошедших в сборник В. Даля, мы могли установить большое количество слов, заимствованных из тюркских языков. Часть этих заимствований вошла в русский литературный язык: **алмаз** [5, с. II/278]), **аркан** [5, с. I/66], **базар** [5, с. II/33], **барабан** [5, с. I/136], **деньга** > деньги [5, с. I/34], **каблук** [5, с. I/241], **караул** [5, с. I/109], **карман** [5, с. I/83], **тамга** [5, с. I/58] и т. д.

Большинство тюркизмов, использованных в русских пословицах, относится к диалектам и речи деревенских жителей: **алашка** [5, с. II/251], **бадья** [5, с. II/282], **байбак** [5, с. I/341], **баклага** [5, с. II/243], **балахон** [5, с. I/61], **бульдырь** [5, с. II/83],

башмак [5, с. II/51], *брага* [5, с. II/115], *варнак* [5, с. I/207], *дуван* [5, с. I/193], *епанча* [5, с. II/119], *зель* [5, с. II/235], *камка* [5, с. II/174], *кашик* [5, с. I/144], *кулага* [5, с. II/156], *мазарки* [5, с. I/225], *малахай* [5, с. I/292], *мосол* [5, с. II/294], *тебенёк* [5, с. I/367], *тютюн* [5, с. II/295], *харчи* ([5, с. II/258], *чакчуры* [5, с. I/190], *чулан* [5, с. II/258], *чумичка* [5, с. II/163].

В русских пословицах кроме тюркизмов используются специфические структуры русской народной речи, которые называются термином «**парные слова**». “*Беда и остолопу: рук-ног девать некуда*” [5, с. I/243]; “*Отцу-матери бесчестье — роду-племени покор*” [5, с. I/351]; “*Все ли подобру-поздорову?*” [5, с. II/20]; “*Жив-здоров, ни горельный ни больной*” [5, с. I/309]; “*Умели поить-кормить, умеете снарядить, за стол посадить*” [5, с. II/221]; “*Ремесло пить-есть не просит, а хлеб приносит*” [5, с. II/29]; “*Жил-был пожил, да и ножки съежил*” [5, с. I/223].

Заслуживает пристального внимания то, что парные слова долго не рассматривались в русских лингвистических работах. Выводы Н. А. Баскакова подтверждают цель нашего исследования: «**Не изучены тюркские заимствования** в русском словообразовании (ср., например, тюркские модели в образовании некоторых так называемых парных слов) и фразеологии» [20, с. 5].

Это непонятно, так как А. А. Потебня в книге «Из записок по русской грамматике» Т. 3 (1899) посвятил 50 страниц трактовке этих специфических элементов русской народной речи. Он установил, что парные слова типичны для **просторечия** и **языка фольклора**. А. А. Потебня указал на евразийский характер парных слов в русском языке, так как говорил о сходстве структуры и функции русских, китайских и индийских структур. Замечания А. А. Потебни важны, несмотря на то, что он не представил конкретные структуры китайского и индийского языков. Свои выводы о сходстве он сделал, опираясь на работу «Charakteristik der hauptsächlichsten Typen der Sprachbaues» Г. Штейнтеля [21, с. 124]. При нашем компаративном исследовании удалось найти **семантические эквиваленты** русских, китайских, индийских, тюркских, финно-угорских структур. Сложение **чашки-ложки** [22, с. 59] ‘столовая / кухонная посуда’ является типичным примером обобщения посредством соединения двух элементов семантического поля.

Эквиваленты в языках ареала отражают общую функцию: коми: *тасьті-пань* [23, с. 665] ‘столовая посуда’ < *тасьті* [23, с. 665] ‘чашка’ + *пань* ‘ [23, с. 426] ‘ложка’; удм.: *тусты-пуньы* [16, с. 432] ‘чашки-ложки, кухонная посуда’ < *тусты* ‘чашка’ + *пуньы* ‘ложка’; морд.: *пенчть-вакант* [24, с. 132] ‘посуда’ < *пенч* ‘ложка’ + *вакан* ‘миска’; чув.: *чашйк-кашйк* [11, с. 581] ‘кухонная посуда’ < *чашйк* ‘чашка’ + *кашйк* ‘ложка’; тат.: *кашык-аяк* [8, с. 244] ‘столовая и кухонная посуда’ < *кашык* ‘ложка’ + *аяк* ‘чашка’.

Заслуживает внимания китайский эквивалент русского парного слова *жил-был*, тщательно проанализированный О. Б. Ткаченко (1979). Типичному зачину русских народных сказок *жил-был* и образованной от него структуре *житься-быть* соответствует китайское сложение *шэн-цунь* ‘существовать, существование, бытие’. Данная китайская структура состоит из компонентов *шэн* [25, с. 40/385] ‘1) жить, живой, жизнь’; 2) существование, быт’ и *цунь* [25, с. 299/3047] ‘1) существовать, быть в живых; 2) остаться, сохраниться’. Компонент *цунь* наблюдается и в другом

китайском сложении, относящемся к семантическому полю со значением 'существование, бытие'. В сложении *цзунь-цзай* 'существовать, существование' [25, с. 299/3047] компонент *цзай* [25, с. 22/154] обозначает '1) поживать, находиться'; 2) быть в живых'. О семантических свойствах свидетельствует его использование в деривации. В следующих лексических единицах китайского языка *цзайтан* 'быть в живых (о родителях)', *цзайти* 'быть в живых, жить', *цзайе* 'быть в отставке', *цзайней* [25, с. 223/154] 'находиться внутри, включительно' обнаруживается общая морфема с упомянутым значением.

О евразийском характере парных слов *жил-был* свидетельствуют эквиваленты финно-угорских языков, представленные в работе О. Б. Ткаченко: коми *овны-вёвны* [23, с. 202], удм. *улыны-вылыны* [16, с. 449] 'то же', морд. *эряс-аштемс* [17, с. 778] 'то же'.

Русская структура *путь-дорога*, использованная в былинае «Его *путь-дорожка* в поле призамешкалась» [26, с. 141] свидетельствует о древнем характере данной структуры. Сочинительное сложение *путь-дорога* имеет семантический эквивалент в китайском языке: *дао-лу* [25, с. 611/6480] 'дорога, путь' < *дао* [25, с. 611/6480] 'путь, дорога, орбита, подход' и *лу* [25, с. 132/1385] '1) дорога, улица, путь, проспект; 2) путь, маршрут, в пути, в дороге' отражает семантическое сходство.

Сложениям *друг-приятель*, *друг-товарищ*, соответствует китайское сложение *пэнью* 'друзья' [25, с. 349/3490] 'друг, товарищ' < *пэн* [25, с. 348] 'друг, приятель' и *ю* [25, с. 556/5970] 'друг, товарищ, коллега'. Параллельными структурами являются тат. *дус-иш* [8, с. 137] < *дус* 'друг, приятель' + *иш* 'товарищ, друг'; уйг. *дост-ашна* [27, с. 141] < *дост* 'друг, товарищ' + *ашна* 'друг, приятель', морд. *оят-ялгат* [17, с. 449] 'друзья' < *оя* 'друг, приятель' + *ялга* [17, с. 802] 'товарищ'; удм. *эшьёс-юлтошёс* [16, с. 326] 'друзья-товарищи' < *эш* 'товарищ' + *юлтош* 'друг, приятель, товарищ, спутник'.

Русские сочинительные сложения, обозначающие **степени родства**, тоже обладают ареальным характером. Русское сложение *отец-мать* соответствует китайскому *фу-му* [25, с. 599/6731] 'отец + мать, родители' и многим структурам восточного ареала: тат.: *ата-ана* [8, с. 43] 'родители' < *ата* 'отец' + *ана* 'мать'; башк.: *ата-эсэ* [6, с. 52] 'родители' < *ата* 'отец' + *эсэ* 'мать'; чув.: *аца-ана* [11, с. 45] 'родители' < *аца* 'отец' + *ана* 'мать'; морд.: *тетят-ават* [17, с. 658] 'родители'; хинди: *бāп-мā* [28, с. 810] 'родители' < *бāп* 'отец' + *мā* 'мать'; **отец-дед: отцовский-праотцовский; дед-прадед**: тат.: *ата-баба* [8, с. 43] 'предки; праотцы' < *ата* 'отец' + *баба* 'дед'; (*ата-баба* йоласы 'обычай предков'); башк.: *ата-баба* [6, с. 52] 'предки; прародители; праотцы'; морд.: *атят-покитят* [17, с. 63] 'умершие предки' < *атя* 'отец' + *покиш* 'дед'; хинди: *бāп-дāда* [28, с. 810] 'предки' < *бāп* 'отец' + *дāда* 'дед (по отцовской линии)'.

Структура *род-племя* тоже относится к данному семантическому полю. О древнем характере структуры свидетельствует пример, взятый из исторической песни XVII в.: *Ты какого роду-племени?* [22, с. 191]. Сложение *род-племя* 'народность, этнический, происхождение' соответствует по значению семантике китайской структуры *чжун-цзу* [25, с. 49/463] 'расы и народности, этнический' < *чжун* [25, с. 49/463] '1) раса, род, порода; 2. сорт, вид' + *цзу* [25, с. 477/5039] '1) род, родовой, племя, клан, поколения народа; 2. род (биол.)'.

Данное понятие обозначается сходными структурами в языках изученного ареала: тат.: *нәсел-нәсәп* [8, с. 406] 'род-племя; тат.: *зат-ырусыз* [8, с. 153] 'без роду, без племени'; удм.: *чыжы-выжы* [16, с. 498] 'род-племя, родня'.

Обозначение родовых отношений парными словами в русском языке, по мнению А. А. Потебни, является древним приемом, что подтверждается сложениями *братъсестрома, мужеженами* [29, с. 415], которые он считает древними элементами словотворчества. Потебня указывает на то, что сложение *братъсестрома* является типичным элементом обобщения, так как данным словом обозначаются разные родовые отношения, подобно немецкому слову *Geschwister*.

Понятия *здоровье, благополучие, сохранность* часто обозначаются парными словами синонимического типа в восточно-евразийских языках. Типичной формулой речевого этикета русской народной речи является структура *жив-здоров*, отражающая восточное влияние. Эта формула наблюдается у В. И. Даля: «*Жив-здоров*, ни горельный ни больной» [5, с. I/309], также широко используется русскими народными писателями, изображающими быт русского народа:

Мельников: «Нет ли каких новостей? Все ли *живы-здоровы?*» [30, с. 399]; Бажов: «Никита, мол, *жив-здоров*, скоро домой придет» [31, с. 83]; Шолохов: «Наталья с внуками как? *Живы-здоровы?*» [32, с. II/65]; «Здравствуй, сват! *Живой-здоровый?*» [32, с. II/96]; Шукшин: «Слава богу, *живы-здоровы*» [33, с. 446].

Эквиваленты русского сложения *жив-здоров* [30, с. 399]: тат.: *исен-сау* [8, с. 178] 'здоровый; живой, невредимый', *исен* [8, с. 178] 'здоровый; живой, невредимый' + *сау* [8, с. 471] 'здоровый, невредимый'; башк.: *сау-саләмәт* [6, с. 729] 'жив-здоров; в полном здравии'; хинди: *бхала-чангā* [28, с. 844] 'целый и невредимый' < *бхала* 1) хороший; 2) счастье, благо + *чангā* [28, с. 363] '1) здоровый; 2) хороший; 3) чистый'; кит.: *jiàn-kāng* [34, с. 642] 'здоровье, здоров' < *jiàn* [34, с. 642] 'здоровый, сильный, крепкий сильный' + *kāng* [34, с. 646] 'здоровье, благополучие'; *jiàn-zhuàng* [35, с. 26] 'крепкий + здоровый' < *jiàn* + *zhuàng* [35, с. 26] 'сильный'. К этому семантическому полю примыкает русская структура *подобру-поздорову*, которая раньше служила этикетной формулой доброго пожелания перед боем.

Этикетная формула венгерской народной речи *Erőt-egészséget!*, используемая мужчинами при прощании со значением «До свидания», стала формулой поздравления венгерского военного языка: *Erőt-egészséget, bajtásak!* 'Здравствуйте, товарищи!' — поздравляет командир парада солдат. Они в ответ: "*Erőt-egészséget, ezredes bajtárs!*" 'Здравствуйте, товарищ полковник!'оборот *Erőt-egészséget!* состоит из компонентов *erő* 'сила, крепкость' и *egészség* 'здоровье', что отражает как менталитет восточных народов, так и общую семантику параллельных структур.

Заслуживает пристального внимания то, что общие закономерности парных слов изученного ареала, в том числе и русских структур, представлены в работе известного советского китаевода А. Л. Семенаса (1976). При трактовке особенностей китаяйских сочинительных сложений Семенас оформил закономерности, которые свойственны и для венгерских сочинительных сложений (парных слов).

Представленные нами семантические цепочки парных слов ареала, их общая функция и общие структурные признаки доказывают их ареальный характер, связанный с общими признаками евразийского союза.

Общие элементы синтаксиса

Специфическими структурами языков изученного ареала являются неполные тождественные повторы, которые в лингвистических работах венгерских исследователей названы термином *figura etymologica*. Эти структуры типичны для русской народной речи, о чем свидетельствуют примеры, взятые из фольклора и из произведений народных писателей:

“*Вали валом*, после разберем” [5, с. II/66]; “*Течья течет. Ливья льет. Лётю летит*” [5, с. II/21]; “и давай рубить яблоню *крест-накрест*” [36, с. 90]; “*День-деньской — как за язык повешенный*” [5, с. I/380]; “*Красным-краснёхонек, желтым-желтёхонек*” [5, с. I/370]; “*Много-множество* в мире согрешения” [26, с. 174]; “и стал работник перед царским лицом *молодец-молоцом*” [36, с. 229]; “сползались со всех сторон на берег раки большие и малые — *тьма-тьмуция!*” [36, с. 140]; “Фу-фу, русской коски *слыхом не слышать, видом не видать*” [37, с. 93].

“Генерал едет из Питера, *строгий-настрогий*” [30, с. 221]; “в избе у него *голым-голохонько*” (31, с. 57); “Остался Илюха *один-одинёшенек*” [31, с. 61]; “Небо — *синим-синё*, и уж дергал ветер” [38, с. 106]; “Автобус — *полным-полна* коробушка — наконец подкатил” [39, с. 212]; “И так у всех, кто хоть *мало-мальски* присматривал за ней” [40, с. 120]; “Войны *давным-давно* прошедших времен (ЗК 37); “Поди-ка, *здоров-здоровёшенек...*” [41, с. 359]; “от жадности ихней все *черным-черно* представляется!” [41, с. 388].

Интересны структуры, в которых корень глагола используется в дополнении: “*Не первую волку зиму зимовать*” [5, с. I/381]; “*Видывали мы виды*” [5, с. I/312]; “*Шутки шутит, да людей не мутит*” [5, с. II/301]; “*Собрались думу думать* кулини, на болоте сидючи” [5, с. II/5]; “*Меледу меледить*” [5, с. II/11]; “*Час часовать — не ночь ночевать*” [5, с. II/59]; “*Гулять гуляй, да не загуливайся!*” [5, с. II/19].

Эквиваленты русских повторов *давным-давно*, *мало-мальски*, *полным полно*, *раным-рано* используются в языках изучаемого нами ареала: **мрд.**: *келейде келейсте* (Э), *келида келиста* (М) ‘очень широко (букв.: ‘шире широкого)’ [24, с. 376]; *серейде седе сэрейстэ* ‘выше всех вырасти (букв.: выше высокого)’; “*Обед. Чись пидезь пиди*” [24, с. 359]; “Обед. Солнце сильно печет (букв.: припекая печет)’; **марийск.**: *тевлет-теве* [42, с. 328] ‘всегда’; *кид-кида* [42, с. 114] ‘нарасхват, дружно’ < *кид* ‘рука’; *веран-верышке* [42, с. 38] ‘по местам’ < *вер* ‘место’; *шинчын шинчаш* [42, с. 411] ‘сиднем сидеть’ < *шинчаш* ‘сидеть’; **удм.**: *одигысь-одиг* [16, с. 248] ‘один-единственный’, *чукна-чук* ‘рано утром’ [16, с. 478] < *чук* ‘утро’; **венг.**: *várva vár* ‘ждать с нетерпением (букв.: ожидая ждет)’; *réges-régen* ‘давным-давно’; *telis-teli* ‘полным-полно’; *szépséges szép* ‘красивый-раскрасивый’, *vénység vén* ‘очень старый’; **удм.**: *одигысь-одиг* ‘один-единственный’, **чув.**: *тан-таса* ‘совершенно чистый’; **башк.**: *берге-бер* (БРС 83) ‘с глазу на глаз’; *буштан-буш* [6, с. 113] ‘даром, зря’, < *буш* ‘пустой’; *икаүзән-икаү* [6, с. 204] ‘по одному’; *туранан-тура* [6, с. 646] ‘1) прямо; 2) откровенно’; *берем-һерем* ‘по одному’; **уйг.**: *пейдин-пей* ‘постепенно’; **тат.**: *үзеннән-үзе* [8, с. 746] ‘самому себе’; *хәрефкә-хәреф* [8, с. 621] ‘буквально’; *хәлле-хәләнче* [8, с. 621] ‘по возможности’; **хинди.**: *бичо-бич* [28, с. 820] ‘совершенно посередине’ < *бич* ‘середина’; *гармә-гарм* [28, с. 327] ‘1) горячий; жаркий; 2) пылкий; оживленный; бурный’ < *гарам* [28, с. 327] ‘1) горячий; жаркий; 2) острый;

3) пылкий; 4) гневный'; *гурдй-гурд* [28, с. 336] 'кругом, вокруг' < *гурд* 'кругом'; *тхасй-тхас* ' [28, с. 476] 'полным-полно; до краев' < *тхас* 'полно'; *чхака-чхак* [28, с. 253] 'полным-полно'.

Сочетание двух однокоренных глаголов и отрицания «не» между ними для указания на полноту, напряженность, длительность действия:

“Жил не жил, умер не умер” [5, с. I/201]; *“Бойся не бойся, а року не миновать”* [5, с. I/40]; *“Была не была. Было не было — катая сплеча!”* [5, с. I/55]; *“Плакать не плачу, а слеза бежит”* [5, с. I/105]; *“Сорочи не сорочи, а без рубля быть”* [5, с. I/109]; *“Ушел, не ушел, а побежать можно”* [5, с. I/ 382]; *“Живет не живет, а проживать проживает”* [5, с. I/199]; *“Была не была, сделаю, как она велела”* [31, с. 189]; *“Покажет — не покажет, а заступа нашему брату будет”* [31, с. 328]; *“Думай не думай — сто рублей не деньги”* [38, с. 28]; *“Это значит, возить не перевозить”* [40, с. 121].

В венгерском языке неопределенность передается сочетанием утвердительной и отрицательной форм глагола: *A leves nem izlett, ettem is nem is belőle* 'суп не был вкусен, ел не ел из супа'; *Akarta is nem is akarta ezt a barátságot* 'он хотел не хотел этой дружбы'.

Типичным зачином венгерской присказки является структура, в которой используется утвердительная форма *volt* 'был' и отрицательная форма *nem volt* 'не был' глагола: *“Hol volt, hol nem volt, volt a világon egy vak király”* [43, с. 5] 'Где был, где не был, был один король'. Данная структура выражает неопределенность времени.

Влияние венгерского фольклора наблюдается в зачине присказки словацкой волшебной сказки: *“Bol, kde nebol, bol jeden král”* [44, с. 27] 'был, где не был, был король'. По мнению Й. Поливки (1931), в словацком фольклоре данный зачин не является типичным. Словацкая сказка *Skamenený furman* [44, с. 27] кроме типичного зачина венгерских волшебных сказок использует сказочные термины, взятые из венгерского фольклора. В сборнике С. Цамбела очень интенсивно используются слова, заимствованные из венгерского языка: *balta* < *balta*, *bíreš* < *béres*, *gondášik* < *kondás*, *juhás* < *juhász*, *kočiš* < *kocsis*, *korbáč* < *korbács*, *lovás* < *lovász*, *oriáš* < *óriás*, *šarkan* < *sárkány*, *tátoš* < *táltos*, которые свидетельствуют о венгерском влиянии.

Влияние венгерского фольклора отражают украинские сказки, записанные в Закарпатской области. *“Був, де не був, один пан-капитан...”* [45, с. 24] 'был да не был пан капитан'; *“Раз було, де не було, у сімдесят сьому царстві”* [45, с. 71] 'Раз было, да не было в семьдесят седьмом царстве'. Сказочные термины закарпатских волшебных сказок *шаркань* < *венг. sárkány* 'дракон, змей', *босорканя* < *венг. boszorkány* 'ведьма', *татош* < *венг. táltos* 'волшебный конь', взятые из венгерского фольклора, доказывают венгерское влияние.

Ареальный характер венгерской формулы подтверждается оборотами тюркских волшебных сказок. В татарском языке тоже известна сходная формула: *“булмаса булган икен”* [8, с. 83] 'была не была! Куда ни шло!'. Эквивалентом является узбекская формула: *“бир бор экан, бир юк экан”* [10, с. 73] 'раз было — раз не было', которая, по толкованию узбекских фразеологов, является обычным зачином узбекской сказки. Формула *“бир бар экан, бир ёк экан”* [9, с. 100] 'раз было — раз не было' используется в туркменском фольклоре как элемент присказки. Параллельная формула

в присказке турецких сказок: “*bir varmış bir yokmuş*” [13, с. 894] (‘раз **было** — раз **не было** (некогда, когда-то)’).

В китайском языке сочетание утвердительной формы сказуемого является типичной структурой: *Xiànzài nǐde fùmǔ sh-bu-shì zài Rìběn?* [34, с. 94] ‘сейчас твои родители в Японии?’ В данном вопросе структура *sh-bu-shì* ‘букв.: находят-ся — не находят-ся?’ выражает неосведомленность собеседника. В другом вопросе *Niúnǎi zài bēizi li, sh-bu-shì?* [34, с. 94] ‘молоко в стакане?’ тоже используется данная структура. Вопрос: *Tā lái de zǎo-bu-zǎo?* [34, с. 241] ‘он рано пришел?’ использует антагонистические компоненты *zǎo-bu-zǎo* ‘рано-не рано’ обстоятельства времени.

Следующие китайские примеры тоже используют структуру, соединяющую утвердительную и отрицательную формы сказуемого: *Nǐde chǐzi cháng-bu-cháng?* [34, с. 34] ‘твоя линейка длинная?’; *Nǐmende yuánzhūbǐ yíyàng-bu-yíyàng?* [34, с. 34] ‘у вас одинаковые шариковые ручки?’ В этих примерах тоже используется частица, выражающая отрицательное значение именной части сказуемого. Структуры *cháng-bu-cháng?* ‘длинная — не длинная?’ *yíyàng-bu-yíyàng?* ‘одинаковы — не одинаковы?’ представляют собой именную часть составного сказуемого.

Вопросы используют частицу *méi* для передачи отрицательного значения в следующих примерах, в которых антагонимическая структура *yǒu-méi-yǒu* ‘есть — не есть’ выражает неопределенность: *Lǐ dàxué bù yuǎn yǒu-méi-yǒu diànyǐngyuàn?* [34, с. 382] ‘недалеко от университета есть кинотеатр?’; *Zài xuéyuàn fùyìn yǒu-méi-yǒu shítáng?* [34, с. 382] ‘вблизи института есть столовая?’.

Рассмотренные примеры подтверждают использование сходной специфической синтаксической структуры в разных языках изучаемого ареала, что говорит об общем приеме языковой модели.

Заключение

Рассмотренные нами языковые элементы дают представление об общих языковых единицах, использованных в сопоставленных языках. Параллельные пословицы, фразеологические единицы, общий вид словотворчества, который назван термином «парные слова», семантические цепочки парных слов и общие структуры синтаксиса в языках Восточной Евразии доказывают выводы евразийцев.

Литература

1. Еремеев Е. А. Идеология евразийства: основные категории // Вестник РУДН. Серия Социология. 2007. № 4. С. 40–44.
2. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Вестник Московского университета. 1990. Серия 8, фил. № 6. С. 60–80.
3. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999. 361 с.
4. Даль В. Пословицы русского народа: сб. в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. 383 с.
5. Даль В. Пословицы русского народа: сб. в 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. 407 с.
6. Башкирско-русский словарь / сост. И. М. Агишев [и др.]. М.: Русский язык, 1996. 804 с.
7. Кор-Оглы Х. Г. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М.: Наука, 1973. 615 с.

8. Татарско-русский словарь / глав. ред. Н. К. Дмитриев. Казань: Таткнигоиздат, 1955. Т. 1: А — З. XL, 357 с.
9. Баскаков Н. А., Каррыев Б. А., Хамзаев М. Я. Туркменско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 782 с.
10. Кары-Ниязов Т. Н., Боровков А. К. Узбекско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1959. 869 с.
11. Чувашско-русский словарь / И. А. Андреев [и др.]; под ред. М. И. Скворцова. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.
12. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Русский язык, 1965. 973 с.
13. Турецко-русский словарь / ред. А. Н. Баскаков [и др.]. М.: Русский язык, 1977. 967 с.
14. Kúnos Ignác Adalékok a jarkrndi tögökség ismeretéhez. Budapest, 1911. 18 p.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз., 1991. 915 с.
16. Удмуртско-русский словарь / сост.: В. М. Вахрушев [и др.]. М.: Русский язык, 1983. 592 с.
17. Гурьянова Л. А. Эрзянско-русский словарь. М.: Русский язык, Дигора, 1993. 806 с.
18. Nagy O. Gábor Magyar közmondások és szólások. Budapest: Gondolat, 1985. 349 p.
19. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. М.: Астрель — АСТ — Люкс, 2005. 926 с.
20. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.
21. Steintal H. Charakteristik der hauptsächlichen Typen der Sprachbaues. Berlin, 1860. 301 p.
22. Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева [и др.]; [Вступ. ст. Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова, с. 6–25]. Ленинград: Наука, 1966. 385 с.
23. Багалова Р. М. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
24. Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск, 1980. 430 с.
25. Ошанин И. М.: Китайско-русский словарь. М., 1952. 891 с.
26. Русские народные сказители / сост., вступ. ст., введ. тексты и коммент. Т. Г. Ивановой. М.: Правда, 1989. 752 с.
27. Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1958. 180 с.
28. Хинди-русский словарь / сост.: И. С. Рабинович [и др.]. М.: Русский язык, 1953. 1124 с.
29. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.
30. Мельников-Печерский П. И. На горах. М.: Огонёк, 1978. 289 с.
31. Бажов П. Малахитовая шкатулка. М.: Советский писатель, 1947. 436 с.
32. Шолохов М. Тихий Дон. М.: Художественная литература, 1962. 700 с.
33. Шукшин В. Лобановы. М.: Молодая гвардия, 1975. 496 с.
34. Задоев Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. М.: Наука, 1993. 720 с.
35. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М., 1984. 216 с.
36. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М.: Художественная литература, 1983. 446 с.
37. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. М., 1957. Т. 1. 347 с.
38. Шукшин В. Рассказы. М.: Художественная литература, 1984. 255 с.
39. Белов В. Повести и рассказы. М.: Худ. литература, 1984. 543 с.
40. Распутин В. Повести. Минск, 1983. 528 с.
41. Залыгин С. Комиссия «Молодая гвардия». Москва, 1976. 416 с.
42. Васильев В. М., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991. 168 с.

43. Arany László. Magyar népmesék «Móra Ferenc Könyvkiadó», Budapest, 1979. 180 с.
44. Czambel S. Slovenské ľudové rozprávky. «Vyd. krásnej literatúry» Bratislava, 1959. 373 с.
45. Дванадцять братів. Закарпатські казки. Ужгород: Карпати, 1972. 424 с.
46. Баранников А. П. Синонимические повторы в новоиндийских языках. Ленинград, 1928. 266 с.
47. Баранникова Е. Б. Бурятские народные сказки. Москва: Наука, 1978. 304 с.
48. Берберова Р. Парные слова в русском и крымскотатарском языках. Симферополь, 2012. 270 с.
49. Бикбулатов Н. В. Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974. Вып. 1. 156 с.
50. Вайс Д. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русский язык в научном освещении. Москва, 2003. 244 с.
51. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
52. Земская Е. А. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. 485 с.
53. Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972. 368 с.
54. Корнилов О. А. Языковые модели мира как отражение национальных менталитетов // Россия и Запад, диалог культур. М., МГУ, 1994. 341 с.
55. Мокиенко В. М. В глубь поговорки. СПб.: МиМ, Паритет, 1999. 220 с.
56. Пачаи И. Ареальные аспекты парных слов в русском языке. Ниредьхаза, 1995. 165 с.
57. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 2001. 153 с.
58. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. 168 с.
59. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. Москва, 1974. 352 с.
60. Телия В. Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
61. Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев: Наукова думка, 1979. 299 с.
62. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. 164 с.
63. Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры // Вестник Московского университета. 1927. — 1991. Сер. 9. № 1. С. 87–98.
64. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана // Вестник Московского университета. 1991. Сер. 9. Фил. № 4. С. 33–78.
65. Филин Ф. П. Об истоках русского литературного языка // Вопросы языкознания, 1974. 326 с.
66. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1977. 444 с.
67. Joki, J. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973. 169 с.
68. Kiparsky V. Russische Historische Grammatik. Heidelberg, 1975. 218 с.
69. Veenker, W. Die Frage des finno-ugrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington — The Hague, 1967. 315 с.

LANGUAGE FACTS — PROOFS OF THE EURASIAN THEORY

Imre Pacsai

Dr. Habil. (Philol.), Prof.,
College of Nyíregyháza
31/b Sóstói út, Nyíregyháza, 4400, Hungary
drpacsai@gmail.com

Abstract. The article studies the cultural and linguistic contacts in Eastern Eurasia, namely the similar structures in the languages of different families in this area. We can observe the multilateral linguistic and cultural contacts of the peoples living in Vozhsky basin. Our research concerns the issues considered in the works of "Eurasian" ideological orientation.

The Russian scientist N. S. Trubetskoy specified a cultural region called the "Russian cultural zone", which is interrelated with other cultural zones of Asia. The comparative study of the common elements of phraseology, syntax, and word formation, the so-called "paired words", prove the conclusions of N. S. Trubetskoy about cultural contacts of the Eurasian zone. His works throw light on the origin of parallel linguistic units.

Keywords: Eastern Eurasia; linguistic and cultural contacts; Eurasian theory; comparative research; "Russian cultural zone"; parallel linguistic units; "paired words".

Статья поступила в редакцию 07.10.20; одобрена после редактирования 20.10.20; принята к публикации 30.10.20.